

A narrow, cluttered courtyard or kitchen area. On the left is a wooden kitchen with a sink, a large copper bowl, and various dishes. In the center is a teal door with a window and a pink curtain. The walls are old and peeling, with plants growing on them. The floor is made of stone tiles.

Война КОММУН

Светлана Иванова Master
Sulamith

Светлана Иванова Master Sulamith

Война коммун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72125878

SelfPub; 2025

Аннотация

Жизнь людей в коммуналке – минисхема существования людей как коммуны в обществе. Разные люди со своей судьбой должны найти общий язык, чтобы жить в мире. В противовес вторая коммуна – тараканы – вечные спутники людей в квартирах, умеют выживать благодаря сплоченности и организованности. Развитие событий конфронтации в коммуналке идет с переплетением философского осмысления жизни, юмористического подхода к описанию событий, ностальгических нот о прошлом и реальных ситуаций в жизни. Развяжется ли этот гордиев узел?

В книге в качестве иллюстраций использованы картины автора Ивановой Светланы Николаевны (бренд Master Sulamith).

Светлана Иванова

Master Sulamith

Война коммун

ГЛАВА 1. Москва – ква.

После ссоры с мужем Николаем в душе художницы Нины кипела злость и обида. Чтобы куда-то выпустить пары злости Нина выбежала в полутемный коридор коммуналки, хлопнув при этом дверью, подлетела к графику уборки, уставилась на него и ткнула пальцем в лист бумаги.

– Лена, – завопила она с всей силы. – Ты сегодня должна мыть полы в местах общего пользования, – торжественно, как прокурор, заявила она.

Лена, подбоченясь, вышла из своей комнаты. Стала. Смотрит. От ее взгляда у Нины побежали мурашки по спине, готовясь к ссоре. Но она не сдастся.

Лена подошла к Нине, смерила ее взглядом и сказала:

– Знаю, что я сегодня дежурная по коммуналке. Уберусь, когда будет время, – сказала так, чтобы прекратить военные действия в самом начале.

Но не тут-то было, Нина была в ударе и не собиралась сдаваться.

– Ты, ты – плохо моешь полы, я видела после твоей уборки рисовое зернышко на полу в кухне, – Нина с торжеством посмотрела на поверженного врага.

Лена, как более молодая и горячая, рванула к Нине, та от нее побежала к своей двери, успела захлопнуть дверь с другой стороны, чтобы оттуда высказать все что она думает она – «коренная москвичка» об этой – «понаехавшей лимитнице».

И долго, как песня, лилась брань с двух непримиримых сторон. И эта кухонно-пампушная война шла в величественном городе.

Есть в такой мире город – большой и красивый, название которого заканчивается на «ква» – Москва – мечта любого провинциала приехать, жить и обязательно сфотографироваться на фоне Кремля, чтобы почувствовать себя таким же значимым и исключительным. Такое уже свойство этого города – заманивать, обольщать, обещать красивую жизнь в калейдоскопе огней и ярких витрин, дорогих машин. Москва растет и расстраивается в ширь и в высоту, становясь государством в государстве, заманивая мечтой в свои чресла все больше и больше людей. Город ошетинился домами, разными по размеру и высоте, вгрызаясь в небо. Одни, как Москва-Сити возвышаются огромными окнами, другие – уникальные круглые дома как обручальные кольца, дома-книжки, дома-сороконожки, дома-корабли, доходные дома и другие «человейники». Посреди всего этого великолепия притаи-

лись дома-работяги – хрущевки, где живут простые рабочие люди, в которых сосуществуют неизменные соседи – тараканы. Небольшие, местами облупившиеся, хрущевки окружают со всех сторон престижную высотку, где проживают балерины и дипломаты. По утрам, когда хмурое солнце поднимается над домами, обитатели хрущевок выползают на скамейки в поисках ста грамм, степенно обсуждают политику, провожая взглядом дорогие машины и хорошо одетых людей. Город контрастов, двойных стандартов, город потомков людей, которых испортил квартирный вопрос. Одним словом, Москва живет по законам «человеяника».

По утрам жители домов выбегают из своих квартир, хлопают двери, они устремляются к метро, едут хмурыми, с усталыми лицами и сонными глазами. Пролетают станции, двери открываются и закрываются, чтобы впустить и выпустить новую партию людей с пустыми глазами, ничего не видящие вокруг себя, не замечающие, что время их жизни ушло в пустоту. Им надо зарабатывать деньги, чтобы поднять свой уровень жизни, обеспечить детей и поехать в отпуск в пятизвездочный отель ... Сделать селфи ...

Когда заходит солнце, и Госпожа Ночь вступает в свои права, щемящее чувство одиночества охватывает прохожего, и это несмотря на все яркие и сияющие фонари, рекламы, витрины.

«Госпожа Ночь», Иванова С. Н. (Master Sulamith). 60x50, масло, холст, 2016

В темных коробках зданий зажигается в окнах желтый свет. В каждом из них за прозрачной занавеской происходят трагедии и драмы, мелодрамы и комедии. Люди ужинают, проверяют уроки, решают житейские вопросы, что купить и как дела на работе. Все происходит, как в любом городе или поселке страны, ночь стирает различия между городом и деревней. Ночь приходит, проникает лунными щупальцами в окна домов, освещает спящих людей, приносит недолгое спокойствие, потому что завтра с утра начнется новый забег. Забег ради забега...

Красивый город для роскоши ...

Живи и радуйся.

Если бы не квартирный вопрос ...

ГЛАВА 2. Квартирка.

На фоне многоголосия различных домов, отдельное место занимают сталинские дома. Они выделяются не только высотой, большими размерами, но и некой монументальностью, советским знаком качества. Квартиры отличаются высокими потолками, местами с остатками лепнины, которые дают некоторое ощущение пространства. Окна и балконы с

деревянными рамами такие большие, что Бог его знает, как их мыть. В квартирах таких домов живут «последние из могикан» советской интеллигенции, причем некоторые из них спились на хороших коньяках. С утра они всегда были слегка выпившие, с легким амбре изо рта, но обязательно – с завязанным галстуком на рубашке. Голубая московская косточка ...

Один из таких сталинских домов стоял на шоссе Москвы. На четвертом этаже, как бельмо на глазу у соседей, была коммунальная квартира. Окно кухни выходило на дорогу, что давало полный обзор происходящему на улице. Жители дома воспринимали ее вместе со всеми ее домочадцами, как неблагополучную, нехорошую квартирку. Как безродного...

Но нехорошая квартирка жила своей жизнью. В ней было четыре комнаты, каждая из них имела своего хозяина, свою судьбу и характер. В них происходили драмы и комедии человеческого сосуществования. Но главные события происходили на главном поле битвы, так называемом «места общего пользования».

На кухне стояло четыре стола, по одному на каждую комнату, на плите – четыре комфорки, каждому по одной. Общим были стены, полы, окно, мусоропровод и прилагаемые к нему общие тараканы.

Ванная комната была достаточно большая, плитка местами отвалилась, претендуя на стиль лофт, сильно потускневшее зеркало над раковиной скрывало синяки под глазами и

усталый вид.

Туалет соответствовал статусу коммунальной квартиры, был сомнительной новизны и чистоты. Но главной достопримечательностью этого кабинетика были развешанные по стенам в стиле экибаны четыре стульчака, опять по одному на каждую комнату.

Но главное в таких квартирах – это был длинный изогнутый буквой «Г» коридор. По обеим сторонам коридора стояли деревянные шкафы, заполненные тем хламом, который не влез в комнаты. К ним жались, неизвестно кому принадлежавшие, велосипеды, стояла обувь. На стенах были коричневые обои, местами висевшие клочьями в виде гирлянд. Главная достопримечательность на стене – график уборки помещений общего пользования жильцами. Серьезный документ.

По стенам коридора располагались картины художника, который проживал в этой квартире. Поля, грузовики в темных тонах дополняли коричневые обои.

Самым важным информационным центром разговоров и сплетен был общий телефон. В то время, когда не было мобильных телефонов, общедомовой телефон был местом, где жильцы сидели рядом с ним и часами разговаривали, о чем говорит «вся Москва». Когда звонил телефон, один из жильцов шел к нему, потом стучал в комнату к тому, кому позвонили. Жители коммуналки были в курсе всего, что происходит у соседей. Все вместе все это создавало тот колорит коммуналки, который постепенно уходит из нашей жизни.

Четыре комфорки горят и варят.

Каждая свое блюдо.

А ведь они одна плита ...

ПЕРВАЯ КОММУНА

ГЛАВА 3. Общие жители.

В таких красивых и помпезных зданиях всегда целыми семьями живем мы – тараканы, рыжие пруссаки. Мы – немые свидетели радостных событий, ссор и скандалов в каждой семье. Справедливости ради, мы должны признать, что нас не любят, хотя наши сородичи бывают разные, некоторые из нас носят поэтические названия, как например банановые или дымчатые. Но из поколен веков идет непримиримая вражда между нами и людьми. На войне как говорится все методы хороши, и вот такие хорошие методы идут в ход: яды, спреи, ловушки и мелки под милым названием «Машенька». Не понятно, чем мы навредили именно Машам. Мы, которые ведут свою родословную 300 миллионов лет назад, наши предки – древние пангейские тараканы были старше самого древнего из известных динозавров – ньясазавр. Нашей выживаемости может позавидовать любой вид, мы без воды и еды можем жить больше семи недель, способны выдержать последствия ядерного удара и дальше продолжить жизнь на этой планете. Потому что нам не чужда любовь, самочки для

продолжения рода заманивают самца, используя феромоны. Такие мы романтики. А вы нас тапками, тапками ...

Ну уж когда мы начинаем спасаться, несемся со всех лап, развивая скорость до 5,4 км/час. При этом за одну секунду мы преодолеваем расстояние, равное 50 длинам своего тела. Если бы мы сравнивались с человеком, то его скорость, с которой он бежал за нами с тапочком, была бы 330-400 км/час. Вот были бы интересны такие тараканьи забеги!

Вот и в этой коммунальной квартире жили мы – тараканы, без московской прописки и положенных квадратных метров, но мы чувствовали себя полноправными хозяевами. Особенно по ночам, когда город засыпает, и приходит ночь в каждый дом, каждую квартиру.

«Ночь нежна», Иванова С. Н. (Master Sulamith). 40x50,
масло, холст, 2024

Выходим мы из своих щелей и плинтусов. Выходим как
полноправные хозяева.

Любви все виды подвластны.

Амур, амур.

И тараканы любят ...

ВТОРАЯ КОММУНА.

ГЛАВА 4. Комната номер 1. Лена и Ира.

В первой комнате живу я – Лена со своей пятилетней дочерью Ирой. Моя комната достаточно большая по сравнению с другими комнатами, окно выходит на шоссе, поэтому всегда шумно, и только далеко за полночь стихает гул машин. Я – приезжая, то есть одна из тех «понаехавших», к которым коренные москвичи относятся слегка свысока. Вечное противостояние между столицей и провинцией.

А я с ностальгией вспоминаю свой маленькую провинцию, где я выросла. Это был один из тех городков, которых очень много в нашей стране. Небольшие двухэтажные дома перемежались с частными домами с их огородами и фруктовыми деревьями. На фоне терриконов стояли башни, кото-

рые качали воздух в шахты. Их равномерный гул убаюкивал особенно по утрам. Я училась в обычной советской школе, утром все дети в одинаковых формах шли в школу. Моя дорога шла через небольшой пустырь, потом я переходила через дорогу. Там стояло два серых здания школы, разделенное спортивной площадкой. Школьная жизнь кипела, звучали горны, шумели линейки. А за школой тайно или можно сказать почти тайно курили старшеклассники.

Все мои десять линеек на первое сентября прошли там. Помню свою первую линейку в первом классе. Я была так напугана и взволнована всем происходящим, что, когда пришло время передачи мне букваря старшеклассником, я так зажала в руках и букварь, и цветы, что старшеклассник никак не мог вырвать цветы у меня из рук. Держалась я за свое цепко.

Моя мама решила, что мне нужно учиться играть на баяне. Решила, так решила, мы тогда не очень спорили с родителями. В комнате, на небольшом кресле стоял баян, накрытый салфеткой. Занавесками и салфетками было много чего закрыто в квартире: телевизор, подушки на кровати, лежали под хрусталем в сервантах. Большие напольные часы с маятником стояли, мерно отсчитывая время, периодически отбивая время перезвоном. Большого таланта к музыке у меня не было, но я старательно пиликала свои уроки на баяне. Ведь мама сказала играть.

Время клешей, зимних пальто с песцовыми воротниками,

сарафанов и сапогов-чулков. Мы все это носили и чувствовали себя счастливо. В детстве как-то по-особенному чувствуешь себя и солнце. Когда приходит весна и только начинает пробиваться зеленая трава, а у меня на ногах тонкие чулки и туфельки с застежкой. Я с легкостью ступаю по земле, по зеленой траве. Ведь я молода, красива и у меня все впереди, счастье ждет меня.

Училась я хорошо.

– Луч света в темном царстве, – так называли меня учителя.

Я выработывали свою стратегию получения оценок. Когда я видела, что по какому-то предмету меня давно не вызывали, я хорошо готовилась, поднимала руку и отвечала на пять. Учителя были рады, что хоть кто-то ответит, потому что другие не учили и сидели тихо-тихо.

– Колхоз «Тихая жизнь», ты меня не трогай, и я тебя трогать не буду, – говорили со вздохом учителя о моем классе.

На контрольных мои одноклассники просили дать списать контрольную, больше всего математику, которая как-то по-особенному не давалась нашему классу. Когда уставшая учительница математики приносила результаты контрольной, ее единственной оценкой наших знаний было «черти полосатые». Она отчитывала чертей полосатых весь урок, а они только смотрели на часы, чтобы она не заканчивала нас ругать до конца урока. Звенел звонок и все были рады, что урок прошел, а мы ничем не занимались.

Вот так звенели звонки, отсчитывая не только часы, но и годы. Шли годы, росли мы, росли деревья. Возле нашего дома были две шелковицы, я с подругами залезали на нее в предвкушении вкусной шелковицы, наедались «до отвала» ею и с синими ртами спускались с нее, чумазые и счастливые. Незатейливое счастье.

По уровню счастья можно было сравниться только, когда приезжал сосед домой на автобусе. Он сажал всю ватагу детворы в автобус и довозил нас до перекрестка, потом высаживал, и мы все возвращались по улице обратно пешком.

– Ребяшня, выходим, – говорил он, доехав до перекрестка.

Радости не было предела. Сейчас, когда у всех личные автомобили, воспоминание о тех нехитрых радостях пролетают в голове, как небольшие фильмы ...

Наше детство, это время, когда приходишь со школы, ставишь портфель на стул и идешь обедать. Вот эта картинка: портфель, деревянный стол, стул так и остаются как воспоминания.

«Детство», Иванова С. Н. (Master Sulamith). 50x60, масло, холст, 2021

Повзрослев, мы с подружкой Таней ходили на танцы. По выходным, возле дома культуры, огороженная высоким железным забором и охраняемая милицией, была танцплощадка. Охраняли хорошо. Наверное, чтобы никто не убежал с нее. Играла жива музыка, гитара в руках музыканта стонала от любви, молодежь танцевала, знакомилась. Там я и познакоми-

милась со своим Лешей. Он подошел ко мне пригласить на танец. У меня бешено стучало в висках и сердце от волнения выскакивало из груди. По неписанным законам того времени парень с девушкой гуляли, ходили по улицам, не меньше года, прежде чем женились и вступали в брачные отношения. Вот и мы с Лешей прошли положенный километраж по улицам, прежде чем пожениться. На нашей свадьбе гуляла вся улица. Машина, наряженная бантами, с куклой на капоте привезла нас из ЗАГСа. При выходе из машины нас осыпали конфетами, мелкими деньгами, рисом (для достатка в доме). Во двор дома ставились длинные дощатые столы, лавки. Половина улицы пили ели, кричали «горько», другая половина стояли на дороге и смотрели на все это. Стайкой стояли девочки, смотрели, какое платье и фата у невесты. И каждая из них мечтало о своей свадьбе, где так же свидетелями праздника будет вся улица. Женили, провожали в последний путь – всегда всей улицей.

Наша жизнь текла по неписанным законам, пришло время – родилась дочка Ирочка. Муж работал на шахте, как многие горняки приходил домой уставший и с черной подводкой глаз. Угольная пыль не вымывалась с век глаз.

Когда на шахте происходит обвал, по всему поселку раздавалась гул сирены. Значит, на шахте засыпало шахтеров. Жены и матери тревожно вслушиваются в вой сирены и думают:

– Только бы не моего завалило в шахте.

Потому что после воя сирены, будет вой жен, матерей, которые хоронят сыновей и мужей.

Весной, когда цвели вишни и их лепестки осыпались белым снегом на землю, пришло несчастье и в мою семью. Погиб мой муж Леша, молодой, высокий, с черными, слегка вьющимися волосами и лучистыми глазами. Я стала молодой вдовой с маленьким ребенком на руках, с потухшими, уставшими глазами, с большим количеством проблем, которые обваливаются на плечи женщины с ребенком.

Мой личный крах семейной жизни совпал с крахом советской системы страны. Страна стала превращаться в один большой базар, когда на рынках стояли и продавали все, что можно продать, стояли все, даже доктора наук. Женщины, которые помоложе, как самые уязвимые граждане страны, продавали себя. Продавали и воровали, потом продавали, что наворовали ... Все, кто мог сдвинуться с места, уезжали на «заработки» в Москву. Одной из этих людей была я. Вот так судьба занесла меня с дочерью в коммунальную квартиру. Маленькое жилище и временное пристанище.

Первым делом нужно было устроить ребенка в садик. Я пришла в детсадик. Заведующая, дебелая дама, с осветленными перекисью водорода желтыми волосами, посмотрела на меня и произнесла:

– Для садика нужно купить подарки, например, разделочные доски под хохлому.

Я понимала, что хохлома спасет положение в садике, а

мой ребенок будет ходить туда. И эти два обстоятельства как-то связаны. Пока дочь проживала свое детство, я проживала свою жизнь на улице. Я торговала свежей и мороженной рыбой в одной из тех бесчисленных палаток, которые стояли на каждом углу в Москве. И в каждой палатке стояла женщины, замершие с красными носами и руками.

Забрав Иру из садика, мы шли домой готовить ужин, смотрели телевизор, где показывали красивую жизнь, полураздетых людей в неоновых одеждах, бразильские сериалы про непростую любовь. Такие дни нанизывались на нить судьбы как шарики: черные, серые, иногда цветные. Комната в коммуналке создавала впечатление нашей защищенности. Ночами я лежала и смотрела в потолок, огни ночных машин полосами бежали по стенам. Это чья жизнь пронеслась мимо. Еще одна и еще одна ... Я тихо плакала в подушку о своей судьбе так, чтобы дочь не могла слышать мою печаль. Казалось, что нет выхода из колеса, который крутится день-ночь, день-ночь.

Перед Новым годом торговля шла особенно бойко, я предвкушала хороший заработок. Рядом со мной стояла палатка, в которой торговала Ольга, мать-одиночка с двумя сыновьями. Оптимистка во всех ситуациях.

– Сегодня погода отличная, мороз и ветер, – говорила она.

– Значит мы не состаримся, в холоде не стареют.

Отогревая пальцы в митенках на морозе, мы смеялись с ней, радуясь, что скоро праздник, мы отдохнем, на столе бу-

дет салат-оливье, мандарины и торт.

– Мой муж загулял с другой, так я пришла к ней и сказала: «Я жена, а ты кто? Я не отдам тебе мужа», – делилась она со мной своей жизнью.

– Но, падлюка, все-таки ушел к ней. У меня двое пацанов, вот стою и продаю носки, перчатки.

– Кому носки!!!

– Кому перчатки!!! – внезапно завопила она, привлекая прохожих к своему товару.

Вздрогнула не только я, но свежая рыба на прилавке.

Вечером я шла неспеша домой вдоль дороги. Крупные хлопья снега медленно падали, на фоне фонарей создавалась какая-то сказочная картина. Я улыбалась, спокойствие разливалось в душе. Вдруг возле меня остановилась черная машина мерседес.

– Девушка, что скучаем? Не хотите прокатиться? – задал мне вопрос смуглый черноволосый мужчина.

– Спасибо, нет, -ответила я.

– Что так? Шашлык-машлык, – предложил мне он.

– Нет, сказала я, – подумав, что меня ждет Ира.

– Меня зовут Гоша, Георгий, – не отставал он от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.